СЛОВО

О

ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ

ДМИТРІѢ ИВАНОВИЧѢ

И О БРАТѢ ЕГО

ВЛАДИМІРѢ АНДРЕЕВИЧѢ,

ЯКО ПОБѢДИЛИ СУПОСТАТА СВОЕГО

ЦАРЯ МАМАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Извѣстный знатокъ и любитель древней Русской литтературы В. М. Ундольскій недавно пріобрѣлъ не извѣстное доселѣ *слово о Великомъ Князѣ Димитріѣ Ивановичѣ и о братѣ его Владимирѣ Андреевичѣ, яко победили супостата своего царя Мамая.* Сборникъ въ которомъ помѣщено это слово, въ 12-ю долю листа, писанъ полууставомъ половины XVII столѣтія.* Для яснаго и нагляднаго опредѣленія достоинства списка, здѣсь прилагается снимокъ съ первой страницы.

---

* Въ семъ сборникѣ помѣщены слѣдующія статьи: 1-е. Цареградское взятье, безъ начала. до 74 листа. 2-е. Слово о Андреѣ Критскомъ: «бысть нѣкоторый градъ именемъ Критъ». до 89 л. 3-е. Слово Св. Григорія Папы Римскаго, како родися отъ брата и отъ сестры. «Бысть же блаженный Григорей». до 100 л. 4-е. О Димитреѣ Басаргѣ, и о сынѣ его отрочатѣ седьми лѣтъ. «Дмитрей Басарга гостьбу дѣяше». до 118 л. 5-е О премудромъ Акирѣ и о сынѣ его Анаданѣ. «Въ земли Алевитстей». до 143 л. 6-е. Повѣсть о царѣ Давыдѣ и о сынѣ его Соломонѣ и о ихъ премудрости. «Бысть у Царя Давыда три дѣвицы». до 165 л. 7-е. О судѣ Царя Соломана. «Ко Царю Соломану пріиде». до 167 л. 8-е. Соломона Царя премудрость. «Соломонъ премудрый испытывалъ мысли женской». 169 л. 9-е. Слово о В. К. Дмитріѣ Ивановичѣ и о братѣ его Князѣ Владимирѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего Царя Мамая. 194 л. 10-е. Повѣсть полезна отъ древняго писанія сложена, являющи преславнаго бывшаго чудеси о иконѣ Пречистыя Богородицы, еже нарицается Владимирская. «Въ лѣто 6903 во дни княженія благовѣрнаго». до 215 л. 11-е. Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ, о Царѣ Аксеркѣ и о Новходеносорѣ Царѣ и о Царѣ Васильѣ. «Бысть въ Вавилонскомъ царствѣ». до 233 л. 12-е. О Азовскомъ взятьѣ. (Начало утрачено). до 263 л. 13-е. Слово о Дракулѣ воеводѣ Мультян-

Настоящее слово кромѣ своего значенія, какъ доселѣ неизвѣстное произведеніе нашей древней литтературы, заслуживаетъ вниманіе ученыхъ и по своему отношенію къ другимъ литтературнымъ произведеніямъ Русской древности. Оно во первыхъ прямо и ясно свидѣтельствуетъ, что извѣстное повѣданіе и сказаніе о побоищѣ Великаго Князя Дмитрія Ивановича Донскаго, приписываемое то Софронію то Софонію, именно писано Рязанцомъ Софоніемъ; сочинитель настоящаго слова прямо говоритъ: «азъ же помяну Рязанца Софонія, и восхвалю пѣснями гусленными словесы сего Великаго Князя Дмитрея Ивановича,» слѣдовательно сочинитель повѣданія дѣйствительно былъ Софоній и притомъ Рязанецъ, и былъ предшественникомъ сочинителя настоящаго слова, и по всему вѣроятію жилъ въ концѣ XIV столѣтія, а не въ концѣ XV, какъ утверждаютъ наши ученые, называя его, по списку Графа Ѳ. А. Толстаго Рязанцемъ Іереемъ Софроніемъ. Нашихъ ученыхъ ввело въ заблужденіе о времени когда сочинено повѣданіе: во первыхъ, имя Софронія Іерея, и во вторыхъ многія анахронизмы и историческія невѣрности встрѣчающіяся въ повѣданіи, которыхъ естественно нельзя бы было встрѣтить, ежели бы писатель повѣданія былъ современникъ событію, или жилъ бы вскорѣ послѣ его. Но имѣя прямыя свидѣтельства Едомскаго лѣтописца (приводимаго П. М. Строевымъ) и настоящаго слова, что писатель повѣданія былъ Ря-

---

скія земли. «Бысть въ Мультянской землѣ». до 276 л. 14-е. Повѣсть, о нѣкоемъ царевѣ дворецкомъ и о населникѣ сiи рѣчь о крестъянинѣ. «Бысть въ Римской области». до 288 л. 15-е. Сказаніе о Индѣйскомъ царствѣ и о всѣхъ чудесехъ его. «Како Царь Мануилъ». до 299 л. 16-е. Повѣсть како видѣхъ Царь Мамеръ единой нощи 12 сновъ. «Бѣ не въ коихъ странахъ». до 320 л. 17-е. Посланіе во Царьградъ къ восточному Царю Салтану въ лѣто 7078 году. Начало утрачено. до 341 листа. Замѣчательно что слово о полку Игоревѣ отыскано Графомъ Мусинымъ Пушкинымъ въ сборникѣ въ которомъ также находились: Синагрипъ Царь Адоровъ, или о премудромъ Акирѣ и о сынѣ его Анаданѣ, и сказаніе, объ Индіи богатой, или объ Индѣйскомъ царствѣ и о всѣхъ чудесѣхъ его. *В. Ундольскій.*

занецъ Софоній, мы теперь уже не можемъ приписывать сочиненіе повѣданія Іерею Софронію жившему въ концѣ XV вѣка. Что же касается до странныхъ анахронизмовъ и другихъ историческихъ неправильностей встрѣчающихся въ повѣданіи; то кажется безъошибочно можно сказать, что всѣ таковыя неправильности принадлежатъ мудрованію позднѣйшихъ переписщиковъ, которые искажали повѣданіе по своему замышленію разными вставками и перемѣнами. Однимъ изъ доказательствъ таковаго изкаженія можетъ служить издаваемое нынѣ слово о Димитріѣ, которые по объявленію самаго сочинителя писано послѣ повѣданія Софоніева, а между тѣмъ нестрадаетъ ни однимъ анахронизмомъ; но конечно оно не могло бы избѣгнуть ихъ, еслибы образецъ его, Софоніево повѣданіе, было произведеніемъ позднѣйшимъ а несовременнымъ, и если бы оно въ подлинникѣ также было наполнено историческими неправильностями, какъ мы встрѣчаемъ это въ дошедшихъ до насъ спискахъ. Вторымъ важнымъ доказательствомъ изкаженія служитъ то, что списки повѣданія дошедшія до насъ, явно представляя одно и тоже сочиненіе приписываемое Софронію, въ тоже время почти каждый отличаются другъ отъ друга многими и важными измѣненіями. сокращеніями и пополненіями; для доказательства несходства въ спискахъ мы возмемъ хотя одно начало повѣданія. Такъ по списку Р. Ѳ. Тимковскаго оно начинается словами. «Сія повѣдай Уранъ, како случися брань на Дону православнымъ христіаномъ». Въ спискѣ И. М. Снегирева словами: «Скудость же бысть ума въ главѣ его». Въ спискѣ Кн. М. А. Оболенскаго; «Восхощемъ, братіе, начати повѣсть новыя сія побѣды, како случися брань на Дону». Въ спискѣ В. М. Ундольскаго. «Въ лѣто 7889 сказаніе о Донскомъ побоищѣ, како случися Великому Князю Дмитрею Ивановичю Московскому брань и побѣда восточнаго Крымскаго Царя Мамая, и возвыси Богъ родъ крестьянскій надъ поганымъ». Въ другомъ спискѣ его же: «Бысть же сіе въ лѣто 6889

году попущеніемъ Божіимъ.» Въ спискѣ М. П. Погодина. «Въ лѣто 6889 году хощемъ братіе брань новыя побѣды начати, како случись на Дону православнымъ христіаномъ съ безбожными Агаряны». Такимъ образомъ одно начало повѣданія ясно показываетъ, какимъ сильнымъ изкаженіямъ и измѣненіямъ оно подверглось въ дошедшихъ до насъ спискахъ, но измѣненія и прибавленія еще сильнѣе въ послѣдствіи; такъ по списку Князя М. А. Оболенскаго во время съѣзда Князей въ Москву передъ походомъ вставленъ длинный разговоръ Дмитрія Ивановича съ Владимиромъ Андреевичемъ. Или по описаніи прибытія Донскаго на Коломну вставленъ длинный разсказъ о сборахъ Новгородцевъ въ походъ на помощь Донскому; чего нѣтъ въ другихъ спискахъ. Или въ Ермолаевскомъ спискѣ мы встрѣчаемъ изчисленіе павшихъ въ бою Русскихъ, и много другихъ прибавленій и измѣненій, которыя для убѣжденія можно видѣть въ прекрасномъ и отчетливомъ изданіи повѣданія, которое помѣщено И. М. Снегиревымъ въ III томѣ Русскаго историческаго сборника. Все это прямо говоритъ о сильномъ изкаженіи дошедшихъ до насъ списковъ повѣданія; слѣдовательно съ большею вѣроятностію мы можемъ допустить, что историческія неправильности и анахронизмы встрѣчаемыя въ повѣданіи принадлежатъ собственно не сочинителю а своевольнымъ переписщикамъ. А посему анахронизмы сіи не могутъ служить для насъ свидѣтельствомъ, что повѣданіе Софонія писано не современникомъ самаго событія, а Іереемъ Софроніемъ жившимъ въ концѣ XV вѣка.

Теперь для большаго уясненія сего предмета мы должны обратить вниманіе на замѣчательный списокъ повѣданія принадлежащій М. П. Погодину. Списокъ сей (писанный скорописью XVII вѣка) хотя изкаженъ не менѣе другихъ, и также переполненъ анахронизмами; но онъ въ тоже время сохранилъ много мѣстъ истинно поэтическихъ, утраченныхъ въ

прочихъ спискахъ, и которыя свидѣтельствуютъ, что подлинникъ Софоніева повѣданія далеко не походилъ на дошедшіе до насъ списки. Вотъ нѣкоторыя изъ сихъ замѣчательныхъ мѣстъ. Такъ описывая нападеніе Владимира Андреевича и Димитрія Волынца Авторъ говоритъ: «Поганіи же видѣша то кликнуша: увы намъ! крестьяне умудриша насъ, худыи бо съ нами смесишась, а добрыя всѣ соблюдошась. И паки обратишась и даша плещи, побѣгоша въ поле не уготованными дорогами въ Лукоморья, скрегчюща зубы своими и рѣкуща: «уже намъ въ своей земли не бывати, а катунь своихъ не трепати, а дѣтей своихъ не видати, трепати намъ сыра земля, цѣловати намъ зеленая мурава, а на Русь намъ уже ратью неходити, а выходовъ намъ неимати, застонула Татарская земля бѣдами и тугами покрывающеся, уныша сердцомъ хотенія Княземъ похвала на Русскую землю ходити. Уже-бо сынове Русскіе разграбиша доспѣхи и щиты и всякое узорочье отласы и бархаты». Или объѣзжая поле битвы В. К. Дмитрій Ивановичь обратаясь къ Кн. Владимиму Андреевичю говоритъ: «Грозно брате посмотрѣти, понеже бо въ то время лежитъ трупъ христіанскій аки сѣнные стоги, а Донъ рѣка три дня кровью текла, а рѣка Мѣча вся запрудилась трупомъ Татарскимъ. И рече Князь Великій Дмитрей Ивановичь бояромъ своимъ: считайте убо братія сколько у насъ войска мертвыхъ людей. И говоритъ тогда Михайло Александровичь Московскій бояринъ: Государь Князь Великій Дмитрей Ивановичь; нѣтъ Государь у насъ 40 бояриновъ Московскихъ, да 30 посадниковъ Новгородцкихъ, да 12 Князей Бѣлозерскихъ, да 20 бояриновъ Коломенскихъ, да 40 бояриновъ Серпуховскихъ, да 30 пановъ Литовскихъ, да 15 бояриновъ Переславскихъ, да 25 бояриновъ Костромскихъ, да 30 Князей Володимерскихъ, да 50 Князей Суздальскихъ, да 40 Князей Муромскихъ, да 23 бояриновъ Дмитровскихъ, да 60 бояриновъ Можайскихъ, да 30 Князей Звенигородцкихъ, да 15 бояриновъ Углецкихъ, да 70 Князей Ярославскихъ,

да 100 бояриновъ Новагорода Нижняго, да 74 Князей Тверскихъ; а битыхъ, Государь, всего твоего войска большихъ людей и рядовыхъ 199,996 человѣкъ. « Или описывая плачь женъ Московскихъ получившихъ вѣсти о смерти ихъ мужей говоритъ: «Слышавъ же ту погибельную вѣсть Микулина жена Васильевича Ѳедосья да Марья Тимофеева жена Волуевича рано сташа у Москвы рѣки рекоша: Доне быстрая рѣка протекла во сквозѣ горы каменныя, а течешь въ землю Половецкую, залелияла моего Государя Микулу Васильевича; Тимофеева жена Волуевича тако же плакашась въ славнемъ городѣ Москвѣ, глаголюща: уже бо не вижу своего Государя въ животѣ, Тимофея Волуевича. Княгиня жъ Великая Овдотья нача утешити ихъ, глаголюща: не плачете вы по своихъ мужехъ, какъ дастъ Богъ дождемся своего Государя В. К. Дмитрея Ивановича, и онъ Государь учнетъ васъ утешати и дарми утоляти, а за вашихъ мужей службу великую паметь творити. И рече Ондреева жена Черкизовича Аксинья: Государыни наша Великая Княгини Овдотья, се уже веселье наше миновалось, солнце наше померче во славномъ градѣ Москвѣ. И прочія боярыни рано плакашась, вышедъ на бое речни крчи стояща и глаголюща: тако Москва быстра рѣка залеліяла еси мужей нашихъ, а течеши отъ насъ въ землю Половецкую; а ркучи тако: мошно ли тебѣ Государь нашъ великій Князь Дмитрей Ивановичь о веснѣ прудъ запрудити, а Донъ рѣку шеломами вычерпати и влити ту воду въ тотъ прудъ; аще Государь рѣку трупомъ Татарскимъ запрудишь, затыни Государь Москвѣ ворота, чтобъ поганіи Татарове на Русь нешли; уже Государь мужей нашихъ побили Татарове на полѣ Куликовѣ, межъ Дономъ и Мечею, на рѣчкѣ Напрядвѣ».

Все сіе ясно говоритъ о сильныхъ изкаженіяхъ дошедшихъ до насъ списковъ Софоніева повѣданія, и съ тѣмъ вмѣстѣ можетъ служить довольно убѣдительнымъ доказательствомъ,

что подлинникъ Софоніева повѣданія не былъ изкаженъ анахронизмами и историческими неправильностями, и писанъ современникомъ Куликовской битвѣ, а не Іереемъ Софроніемъ жившимъ въ концѣ XV вѣка. Доказательства современности не со всемъ утратились даже въ искаженныхъ спискахъ. Такъ въ повѣданіи во всѣхъ спискахъ по именно изчисляются гости взятые В. К. Дмитріемъ Ивановичемъ въ походъ на Мамая, и имена гостей во всѣхъ спискахъ почти одинаковы, ясно что они записаны современникомъ, ибо черезъ сто лѣтъ послѣ событія сіи незначительныя имена, лицъ неознаменовавшихъ себя никакими подвигами, не могли не забыться. На ту же современность указываютъ имена боярскихъ и воеводскихъ женъ сохраненныя въ Погодинскомъ спискѣ повѣданія и въ настоящемъ словѣ, и неуцѣлевшія даже въ лѣтописяхъ; ихъ могъ записать также только современникъ, а не позднѣйшій слагатель. Но всѣ сіи доказательства современности Софоніева повѣданія возможны только при свидѣтельствѣ нынѣ издаваемаго слова о побѣдѣ Донскаго надъ Мамаемъ; слѣдовательно важность значенія настоящаго слова по отношенію къ Софоніеву повѣданію очевидна и неоспорима

Другое свидѣтельство настоящаго слова еще важнѣе перваго, въ немъ мы находимъ ясныя указанія на пѣсни Бояна и на слово о полку Игоревѣ, и посему неимѣемъ никакихъ причинъ отвергать, что слово о полку Игоревѣ въ древности хорошо было извѣстно на Руси, что оно пользовалось большимъ уваженіемъ, какъ изящное образцовое поэтическое произведеніе, что его изучали, ему подражали.

О Боянѣ сочинитель настоящаго слова говоритъ прямо: «Помянемъ первыхъ лѣтъ времена, похвалимъ вѣщаннаго Бояна (въ рукописи стоитъ *боярина*, но судя по безграмотности съ котораго переписано все слово; кажется смѣло можно до-

пустить, что вмѣсто *import* должно читать Бояна) горазна гудца въ Кіевѣ. Тотъ Боянъ, (въ рукописи опять стоитъ *бояринъ*) воскладаша горазная своя персты на живыя струны, (въ рукописи стоитъ *струпы*) пояше Русскимъ Княземъ славу, первому Князя Кіевскому Игорю Бяриковичю (нѣтъ сомнѣнія, что у сочинителя стояло Рюриковичю) и Великому Князю Владимеру Всеславьевючю Кіевскому, (конечно Святославичю) и Великому Князю Ярославу Володимировичю». Здѣсь мы видимъ прямое свидѣтельство, что Боянъ пѣлъ славу Игорю Рюриковичю, Владимиру Святославичю и Ярославу Владимировичу Великимъ Князьямъ Кіевскимъ, тогда какъ въ словѣ о полку Игоревѣ упоминается только о пѣсняхъ Бояна старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю, и красному Роману Святославичю.

Сочинитель настоящаго слова хотя нигдѣ не упоминаетъ о словѣ о полку Игоревѣ, ни о его сочинителѣ, имя котораго вѣроятно по сему и въ древности было неизвѣстнымъ; однако изученіе слова о полку Игоревѣ и явное подражаніе ему и заимствованія въ настоящемъ словѣ такъ ясны, что возражать противъ сего нѣтъ никакого основанія. Вотъ доказательства явнаго подражанія и изученія слова о полку Игоревѣ. Пѣвецъ Игоря начинаетъ такъ: »Не лѣпо ли ны бяшетъ, братія, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о полку Игоревѣ, Игоря Святъславича! начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени а не по замышленію Бояню.» И сочинитель настоящаго слова послѣ не большаго введенія говоритъ: «Рцемъ таково слово: лудчи бо намъ брате начати повѣдати иными словесы отъ похвальныхъ сихъ и о нынѣшнихъ повѣстехъ похвалу Великаго Князя Дмитрея Ивановича и брата его Князя Владимера Андреевича, а внуки Св. Великаго Князя Владимера Кіевскаго. Начаша ти повѣдати по дѣломъ и по былинамъ, не проразимся мыслію но землями, помянемъ первыхъ лѣтъ времена, похвалимъ вѣщан-

наго Бояна.» Пѣвецъ Игоревъ говоритъ: «Боянъ же братіе не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщія прьсты на живыя струны вькладаше, они же сами Княземъ славу рокотаху,» а въ настоящемъ словѣ: «тотъ Боянъ воскладаша горазная своя персты на живыя струны, пояша Русскимъ Княземъ славу.» Пѣвецъ Игоревъ говоритъ о своемъ героѣ: Истягну умъ крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наполнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя полкы на землю Половецкую за землю Рускую.» И въ настоящемъ Словѣ о Димитріѣ и Владимирѣ сказано: «изтезавше умъ свой крѣпкою крѣпостію, и поостриша сердца свои мужествомъ, и наполнися ратнаго духа, уставиша себѣ храбрыя воеводы въ Русской землѣ.» Пѣвецъ Игоревъ обращается къ Бояну: «о Бояне, соловію стараго времени! а бы ты сія плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы.... пѣти было пѣсь Игореви, того Олга внуку. Не буря соколы занесе черезъ поля широкая; галици стады бѣжатъ къ Дону великому; чили въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуче? Комони ржутъ за Сулою; звенитъ слава въ Кіевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоятъ стязи въ Путивлѣ.» Въ настоящемъ словѣ обращеніе къ жаворонку: «Оле! жаворонокъ лѣтняя птица, красныхъ день утѣха, возлети подъ синее небеса, посмотри къ сильному граду Москвѣ, воспой славу Великому Князю Дмитрею Ивановичю и брату его Князю Володимиру Андреевичю. Ци буря соколы снесетъ изъ земле Залѣскія въ полѣ Полотское! (вѣроятно Половецкое) на Москвѣ кони ржутъ, звѣнитъ слава по всей земли Руской, въ трубы трубятъ на Коломнѣ, въ бубны бьютъ въ Серпуховѣ, стоятъ стези у Дона Великого на брезѣ.» У пѣвца Игорева сказано: «Дремлетъ въ полѣ Олгово храброе гнѣздо, далече залетѣло; не было нъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чрьный воронъ, поганый Половчине!» И въ настоящемъ словѣ Димитрій Донской говоритъ Князьямъ: «братіе и Кня-

зи Рускіе, гнѣздо есмя были Великого Князя Владимера Кіевскаго, не въ обидѣ есми быша по роженію, ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому сему Мамаю.» У пѣвца Игорева, Игорь говоритъ дружинѣ: «а всядемъ братіе на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону! Спала Князю умъ по хоти, и жалость ему знаменіе заступи. Искусити Дону Великого хощу бо, рече, копіе преломити конець поля Половецкаго съ вами, Русици.» Въ настоящемъ словѣ Андрей Ольгердовичь говоритъ своему брату Дмитрію: «Зберемъ, брате, милые панова удалые Литвы, храбрыхъ удальцовъ, а сами сядемъ на добрыя кони своя, и посмотримъ быстрого Дону, испытаемъ мечевъ своихъ Литовскихъ о шеломы Татарскіе, а сулицъ Нѣмецкихъ о боеданы Бусорманскіе.» У пѣвца Игорева: «Игорь къ Дону вои ведетъ; уже бо бѣды его пасеть птицъ; подобію влъцы грозу въсрожатъ по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ; лисицы брешутъ на черленые щиты. О Руская земле! уже за шеломянемъ еси.« Въ настоящемъ словѣ тоже сказано о Мамаѣ: «Поганый Мамай пришелъ на Рускую землю и воеводы свои привелъ; а уже бѣды ихъ пасоша, птицы крылаты подъ облакъ летятъ, вороны часто граютъ, а галицы своею рѣчью говорятъ, орли хлѣкчютъ, а волцы грозно воютъ, а лисицы на костѣхъ брешутъ. Руская семля то первое еси, какъ за Царемъ за Соломономъ побывала.» Здѣсь подражаніе и заимствованіе такъ ясно, что заимствователь, хотя и не понималъ выраженія пѣвца Игорева: «о Руская земля, уже за шеломянемъ еси.» но нерѣшился выпустить его, и передѣлалъ по своему: «Руская земля то первое еси, какъ за Царемъ Соломономъ побывала.» Или пѣвецъ Игоря описываетъ битву: «Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя; гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копія харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкія. Чрьна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровію польяна, тугою взыдоша по Руской земли.» Въ настоящемъ словѣ

таковая же картина битвы: «Пашутъ бо-ся аки живи хоругови, ищутъ собѣ чести и славнаго имени. Уже бо тѣ соколы и кречеты за Донъ борзо перелетѣли и ударилися о многія стада лебединыя, то ти наѣхали Рускіе Князи на силу Татарскую, и удариша копье харалужными о доспѣхи Татарскія, возгрѣмели мечи булатные о шеломы Хиновскіе на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Напрядѣ. Черна земля подъ копыты, а костьми Татарскими поля насѣяша, а кровью ихъ земля пролита бысть, а сильныи полки вступишася въ мѣсто, и протопташа холмы и луги, и возмутишася рѣки, потоки, озера, и кликнули быша дивы въ Руской земли.» Или у пѣвца Игорева: «стязи глаголютъ; Половцы идутъ отъ Дона и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ; Рускыя плъкы обступиша; дѣти бѣсовы кликомъ поля прегородиша, а храбрыи Русици преградиша чрълеными щиты. Яръ туре Всеволоде! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами.» И въ настоящемъ словѣ: «отъ В. К. Дмитрея Ивановича стези ревутъ, а поганые бѣжатъ, а Рускіе Князи и бояры и воеводы и все великое войско широкіе поля кликомъ огородиша и злачеными доспѣхами освѣтиша. Уже бо ста туръ на боронь; тогда Князь Великій Дмитрей Ивановичь и братъ его Князь Владимеръ Андреевичь полки поганыхъ вспять поворотили.» Но довольно уже выписокъ и сличеній, каждый здѣсь ясно видитъ, что сочинитель настоящаго слова зналъ на память Слово о полку Игоревѣ и самъ писалъ рѣшительно подъ его вліяніемъ.

Теперь слѣдуетъ опредѣлить хотя приблизительно время, когда писано настоящее слово. Въ дошедшемъ до насъ спискѣ нѣтъ прямыхъ извѣстій ни о времени сочиненія настоящаго слова, ни объ имени сочинителя; но списокъ принадлежитъ по почерку къ половинѣ XVII вѣка, а въ словѣ прямо упоминается о Рязанцѣ Софоніѣ, какъ лицѣ уже писавшемъ о битвѣ Донскаго съ Мамаемъ; слѣдовательно на-

стоящее слово сочинено послѣ Софонiева повѣданiя, и прежде XVII вѣка. Болѣе точнаго опредѣленiя времени, когда писано сiе слово, мы не можемъ представить, ибо не имѣемъ никакихъ прямыхъ историческихъ данныхъ по этому предмету. Но судя по тому, что съ половины XV и въ XVI вѣкѣ было много важныхъ событiй, на которыя бы пѣвецъ скорѣе могъ обратить вниманiе, нежели на Куликовскую битву, мы осмѣливаемся предполагать, что настоящее слово было сочинено въ началѣ XV вѣка, когда Куликовская битва еще сильно занимала умъ и воображенiе Рускихъ. Конечно здѣсь важнымъ доказательствомъ времени сочиненiя слова долженъ быть самый языкъ слова; но желая скорѣе подѣлиться съ учеными самымъ текстомъ слова, розысканiе о языкѣ предоставляемъ другимъ.

Секретарь Общества И. Бѣляевъ.

СЛОВО

о Великомъ Князѣ Дмитреѣ Ивановичѣ и о братѣ его Князѣ Владимерѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамая.

Князь Великій Дмитрей Ивановичь съ своимъ братомъ съ Княземъ Владимеромъ Андреевичемъ и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. Вѣдомо намъ брате у быстраго Дону Царь Мамай пришелъ на Рускую землю, а идетъ къ намъ въ Залѣскую землю. Пойдемъ брате тамо въ полунощную страну жребія Афетова, сына Ноева, отъ него же родися Русь преславная; взыдемъ на горы Кіевскія и посмотримъ съ ровнаго Нѣпра по всей земли Руской, и оттоля на восточную страну жребій Симовъ сына Ноева, отъ него же родися Хиновя поганые, Татаровя, Бусормановя. Тѣ бо на рѣкѣ на Каялѣ одолѣша родъ Афетовъ, и оттоля Руская земля сѣдитъ невесела, а отъ Калатьскія рати до Мамаева побоища тугою и печалію покрышася, плачющися, чады своя поминаюты, (т. е. поминаючи) Князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся домы своя, и богатство, жены, и дѣти, и скотъ, честь и славу міра сего получивши, главы своя положиша за землю за Рускую и за вѣру Христіяньскую собѣ бычаемъ пороженыхъ и воскормленыхъ. (здѣсь кажется утраченъ листокъ.)

. . . Преже восписахъ жалость земли Рускіе, и прочее отъ книгъ приводя. Потомъ же списахъ жалость и похвалу Великому Князю Дмитрію Ивановичю и брату его Князю Владимеру Ондреевичю.

Снидемся братія и друзи и сынове Рускіи составимъ слово къ слову, возвеселимъ Рускую землю, возверземъ печаль на восточную страну въ Симовъ жребій, и воздадимъ поганому Мамаю побѣду, а великому Князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его Князю Владимеру Андреевичю. И рцемъ таково слово: лудчи бо намъ брате начати повѣдати иными словесы отъ похвальныхъ сихъ и о нынѣшнихъ повѣстехъ похвалу Великого Князя Дмитрея Ивановича и брата его Князя Владимера Андреевича, а внуки Святаго великаго Князя Владимера Кіевскаго. Начаша ти повѣдати по дѣ-

ломъ и по былинамъ, не проразимся мыслію но землями, помянемъ первыхъ лѣтъ времена, похвалимъ вещаннаго боярина (не Бояна ли?) горазна гудца въ Кіевѣ. Тотъ бояринъ воскладоша горазная своя персты на живыя струны, пояша Рускимъ Княземъ славу, первому Князю Кіевскому Игорю Бяриковичю (не Рюриковичю ли?) и Великому Князю Владимеру Всеславьевичю (не Святославичю ли?) Кіевскому и великому Князю Ярославу Володимеровичю. Азъ же помяну Рязанца Софонія, и восхвалю пѣснеми, гусленными словесы, сего великаго Князя Дмитрея Ивановича и брата его Князя Владимера Андреевича, а внуки Святаго великаго Князя Владимера Кіевскаго, и пѣніе Княземъ Рускимъ за вѣру Христіяньскую. А отъ Калатьскіе рати до Мамаева побоища 170 лѣтъ.

Се бо Князь Великій Дмитрей Ивановичь и братъ его Князь Владимеръ Андреевичь помолися Богу и Пречистей Его Матери, изтезавше умъ свой крѣпкою крѣпостью, и поостриша сердца свои мужествомъ, и наполнися ратного духа, уставиша себѣ храбрыя воеводы въ Руской землѣ, и помянуша прадѣда своего Великаго Князя Владимера Кіевскаго.

Оле! жаворонокъ лѣтняя птица, красныхъ день утѣха, возлети подъ синее небеса, посмотри къ сильному граду Москвѣ, воспой славу великому Князю Дмитрею Ивановичу и брату его Князю Владимеру Андреевичю. Ци буря соколы снесетъ изъ земля Залѣскія въ полѣ Полотское! На Москвѣ кони ржутъ, звѣнитъ слава по всей земли Руской, въ трубы трубятъ на Коломнѣ, въ бубны бьютъ въ Серпуговѣ, (вѣроятно въ Серпуховѣ) стоятъ стези у Дунаю (конечно у Дона) великого на брезѣ, звонятъ въ колоколы вѣчныя въ великомъ Новѣгородѣ. Стоятъ мужи Новгородскіе у Софѣи премудрые, а ркутъ тако: уже намъ брате (конечно, братья) не поспѣть на посопь (на пособь) къ великому Князю Дмитрею Ивановичю; и какъ слово изговариваютъ, уже аки орли слетѣшась; то ти были не орли слетѣшася, выѣхали посадники изъ великаго Новагорода 7000 войска къ великому Князю Дмитрею Ивановичю и къ брату его Князю Владимеру Андреевичю. Къ славному граду Москвѣ съѣхалися вси князи Рускіе, а ркутъ таково слово: у Дуная (*Дона*) стоятъ Татаровя поганые, и Мамай царь на рѣки на Мечи, межу Чюровымъ и Михайловымъ брести хотятъ, а предати животъ свой нашей славѣ. И рекше (конечно рече) Князь Великій Дмитрей Ивановичь: брате Князь Владимеръ Андреевичь! поѣдемъ тамо укупимъ животу

своему славы, а старымъ повѣсть, а молодымъ память, а храбрыхъ своихъ испытаемъ, а рѣку Донъ кровью прольемъ за землю Рускую и за вѣру крестьянскую. И рекше (должно быть рече) имъ Князь Великій Дмитрей Ивановичь: братія и Князи Рускіе, гнѣздо есмя были Великаго Князя Владимера Кіевскаго, не въ обидѣ есми были по роженію ни ястребу ни кречету ни черному ворону, ни поганому сему Момаю.

О! соловей лѣтняя птица, что бы ты соловей пощекоталъ славу Великому Князю Дмитрею Ивановичю, и брату его Князю Владимеру Андреевичю, и земли Литовской дву братомъ Олгордовичамъ, Андрею и брату его Дмитрею, да Дмитрею Волынскому; тѣ бо суть сынове храбры кречаты въ ратномъ времени, и вѣдомы полеводцы подъ трубами подъ шеломы злачеными. Въ Литовской земли молвяше Андрей Олгордовичь своему брату: брате Дмитрей! сами есмя собѣ два браты, сынове Олгордовы, а внуки мы Доментовы, а правнуки есми Сколомендовы. Зберемъ, брате, милые пановя удалые Литвы, храбрыхъ удальцовъ, а сами сядемъ на добрые кони своя, и посмотримъ быстрого Дону, испытаемъ мечевъ своихъ Литовскихъ о шеломы Татарскіе, а сулицъ Нѣмецкихъ о боеданы Бусорманскіе. И рече ему Дмитрей: брате Андрей! непощадимъ живота своего за землю за Рускую, и за вѣру крестьянскую, и за обиду Великаго Князя Дмитрея Ивановича. Уже бо брате стукъ стучитъ, а громъ гремитъ въ каменомъ градѣ Москвѣ, что, брате, стучитъ великая сильная рать Великаго Князя Дмитрея Ивановича и брата его Князя Владимера Андреевича; гремятъ удальцы Рускіе злачеными доспѣхи и черлеными щиты Московскими. Сѣдлай брате Андрей свой добрый конь, а мой готовъ осѣдланъ; выѣдемъ брате въ чистое поле и посмотримъ своихъ полковъ, сколько съ нами храбрые Литвы, а храбрые Литвы съ нами 7000 окованые рати. Уже бо, брате, возвіяли по морю на усть Дону и Нѣпра прилѣяша тучи на Рускую землю, изъ нихъ же выступали кровавые зори, а въ нихъ трепещутся сильные молыньи.

Быти стуку великому на рѣчкѣ Напрядѣ, межи Домомъ и Нѣпромъ, пасти трупу человѣческому на полѣ Куликовѣ, пролитися крови на рѣчкѣ Напрядѣ; уже бо скрипѣли телѣги межу Доломъ и Нѣпромъ, а идутъ Хиновѣ поганыя къ Руской земли, и притекоша сѣрые волцы отъ усть Дону и Нѣпра, и ставши воютъ на рѣкѣ хотятъ на Мечи поступити въ Рускую землю, и то были не сѣрые волцы, пріидоша поганые Татаровя, хотятъ пройти воюючи всю Рускую землю. Тогда гуси возгоготали

и лебеди восплешкаша крылами своими, поганый Мамай пришелъ на Русскую землю, и воеводы своя привелъ; а уже бѣды ихъ пасоша, птицы крылати подъ облакъ летятъ, вороны часто граютъ, а галицы своею рѣчью говорятъ, орли хлѣкчютъ, а волцы грозно воютъ, а лисицы на костѣхъ бряшутъ. Руская земля то первое еси какъ за царемъ за Соломономъ побывала, то уже соколи Бѣлозерстіи и ястреби хваруются, отъ златыхъ колодицъ исъ камена града Москвы возлетѣша подъ синее небеса, возгремѣша значеными колоколы на быстромъ Дону. Тогда Князь Великій Дмитрей Ивановичь воступивъ во златое свое стрѣмя, и announced взeмъ свой мечь въ правую руку, и помолися Богу и Пречистой его Матери; солнце ему на востокъ сіяетъ и путь повѣдаетъ, а Борисъ и Глѣбъ молитву воздаютъ за сродники своя.

Что шумитъ и что гремитъ рано передъ зорями! Князь Владимеръ Андреевичь полки перебираетъ и ведетъ къ великому Дону; и молвяше брагу своему Великому Князю Дмитрею Ивановичю: не ослабливай, брате, поганымъ Татаровямъ, уже поганые поля Рускіе наступаютъ и вотчину отнимаютъ. И говоритъ ему Князь Великій Дмитрей Ивановичь: брате Владимеръ Андреевичь, сами есми, а внуки Великаго Князя Владимера Кіевскаго, а воеводы у насъ уставлены отъ бояриновъ, и крѣпцы бысть Князи Бѣлозерстіи Ѳедоръ Семеновичь, да Семенъ Михайловичь, да Микула Васильевичь, да два брата Олгордовичи, да Дмитрей Волынской, да Тимофей Волуевичь, да Андрей Серкизовичь, да Михайло Ивановичь, а вою съ нами триста тысящь окованые рати, а воеводы у насъ уставлены, а дружина свѣдана, а подъ собою имѣемъ добрые кони, а на собѣ злаченые доспѣхи, а шеломы Черкаскіе, а щиты Московскіе, а сулицы Нѣмецкіе, а кинжалы Ѳряскіе, а мечи булатные, но еще хотятъ головы своя положить за землю Рускую и за вѣру крещеную.

Пашутъ бо ся аки живи хоругови, ищутъ собѣ чести и славнаго имени. Уже бо тѣ соколы и кречаты за Донъ борзо перелетѣли и ударилися о многіе стада лебединые; то ти наѣхали Рускіе Князи на силу Татарскую, и удариша копье Ѳараѳужными (т. е. харалужными) о доспѣхи Татарскіе, возгремѣли мечи булатные о шеломы Хиновскіе на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Напрядѣ. Черна земля подъ копыты, а костьми Татарскими поля насѣяша, а кровью ихъ земля пролита бысть, а сильныи полки ступишася въ мѣсто и протопташа холми и луги, и возмутишася рѣки, потоки, озера, и кликнули быша дивы въ Руской земли,

а глава шибла къ желѣзнымъ вратамъ, ли къ Караначи Криму, и х Саѳѣ (вѣроятно Каѳѣ) по морю и къ Которнову, а оттолѣ ко Царюграду на хвалу Рускимъ Княземъ. И одолѣша рать Татарскую на полѣ Куликовѣ на рѣчкѣ Напрядѣ.

На томъ полѣ сильныи тучи ступишася, а изъ нихъ часто сіяли молыньи и загремѣли громы велицыи; то ти ступишася Рускіе удальцы съ погаными Татарами за свою великую обиду, а въ нихъ сіяли сильные доспѣхи злаченые, а гремѣли Князи Рускіе мечьми булатными о шеломы Хиновскіе. А билися изъ утра до полудни въ суботу на Рожество Святѣй Богородицы. Не тури возгремѣли у Дунаю (Дону) великаго на полѣ Куликовѣ, и не тури побѣждени у Дунаю великаго; но посѣчени Князи Рускіе и бояры и воеводы Великаго Князя Дмитрея Ивановича, побѣждени Князи Бѣлозерстіи отъ поганыхъ Татаръ: Ѳедоръ Семеновичь, да Семенъ Михайловичь, да Тимоѳей Волуевичь, да Андрей Серкизовичь, да Михайло Ивановичь и иная многая дружина.

Пересвѣта чернца, Брянскаго боярина, на суженое мѣсто привели. И рече Пересвѣтъ чернецъ Великому Князю Дмитрею Ивановичю: лутчи бы намъ потятымъ быть, нежели полоненымъ отъ поганыхъ Татаръ. Тако бо Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ добрѣ конѣ, а злаченымъ доспѣхомъ посвѣчиваетъ, а иные лежатъ посѣчены у Дунаю великого на брезѣ; и въ то время стару надо помолодѣть, а удалымъ людямъ плечь своихъ попытать. И молвяше Ослабя чернецъ своему брату Пересвѣту старцу: брате Пересвѣте! вижу на телѣ твоемъ раны великія; уже, брате, летѣти главѣ твоей на траву ковыль, а чаду твоему Іякову лежати на зеленѣ ковылѣ травѣ, на полѣ Куликовѣ на рѣчкѣ Напрядѣ, за вѣру Крестьянскую за землю за Рускую и за обиду великаго Князя Дмитрія Ивановича.

И въ то время по Резанской землѣ около Дону ни ратаи ни пастухи въ полѣ некличютъ, но едины вороны граютъ трупи ради человѣческія, грозно и жалосно въ то время бяше тогды слышати; занеже трава кровію пролита бысть, а древеса тугою къ земли приклонишася, и воспѣли бяше птицы жалостные пѣсни. Восплакашася вси Княгини и боярыни и вси воеводскіе жены о избіенныхъ: Микулина жена Васильевича Ѳедосья да Дмитріева жена Марья рано плакашася у Москвы града на забралахъ стоя; а ркутъ тако: Доне! Доне! быстрая рѣка прорыла еси ты каменныя горы и течеши въ землю Половецкую, прилелѣй моего господина Микулу Васильевича ко мнѣ, а Марья про своего го-

сподина то же рекла. А Тимоѳеева жена Волуевича тако же плакахуся, и рече тако: се уже веселіе мое пониче во славномъ градѣ Москвѣ, и уже невижу своего государя, Тимоѳея Волуевича въ животѣ нѣту. А Андреева жена Марья да Михайлова жена Оксинья рано плакашася: се уже обѣма намъ солнце померкло въ славномъ градѣ Москвѣ; примахнули къ нимъ отъ быстраго Дону поломянные вѣсти, носяше великую бѣду, и ссѣдоша удальцы з добрыхъ коней на суженое мѣсто на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Напрядѣ. И восплакалися жены Коломенскіе, а ркутъ тако: Москва, Москва, быстрая рѣка! чему еси залелѣяла мужей нашихъ отъ насъ въ землю Половецкую; и ркутъ тако: можешь ли Господине Князь Великій веслы Нѣпръ запрудить; замкни Государь Окѣ рѣкѣ ворота, чтобы по томъ поганые Татаровѣ къ намъ неѣздили, уже мужей нашихъ рать трудила.

Того же дни въ суботу на Рожество Святыя Богородицы исѣкша Христіани поганые полки на полѣ Куликовѣ, на рѣкѣ Напрядѣ; и нюкнувъ Князь Великій Владимеръ Андреевичь гораздо, и скакаше во полцѣхъ поганыхъ въ Татарскихъ, а злаченымъ тымъ шеломомъ посвѣчиваетъ, а скакаша со всѣмъ своимъ войскимъ, и загремѣли мечьми булатными о шеломы Хиновскіе. И восхвалитъ брата своего Великаго Князя Дмитрея Ивановича: брате, Дмитрей Ивановичь, туто у . . . шна времени . . . . а забрала не оставай, и свои полки понужай коромольщикамъ; уже бо поганые Татары поля наступаютъ, а храбрую дружину у насъ истеряли, а въ трупи человѣчьѣ борзи кони не могутъ скочити, а въ крови по колѣно бродятъ, а уже бо, братье, жалостно видѣти кровь крестьянская. И Князь Великій Дмитрей Ивановичь рече своимъ боярамъ: братія бояра и воеводы и дѣти боярскіе; то ти ваши Московскіе сладкіе меды и великіе мѣста, туто добудете себѣ мѣста и своимъ женамъ, туто, брате, стару помолодѣть, а молодому чести добыть. И рече Князь Великій Дмитрей Ивановичь: Господи Боже мой! на тя уповахъ да непостыжуся въ вѣкъ, ни да посмѣютми ся враги моя мнѣ; и помолися Богу и Пречистой Его Матери и всѣмъ святымъ его, и прослезися горько, и утеръ слезы. И тогда аки соколи борзо полетѣли. И поскакиваетъ Князь Великій Дмитрей Ивановичь съ своими полки и со всею силою. И рече: брате, Князь Владимеръ Андреевичь, тутъ, брате, испити медвяна чара, наѣждяемъ, брате, своими полки сильными на рать Татаръ поганыхъ.

Тогда Князь Великій наступаетъ на рать силу Татарскую, и

гремятъ мечи булатные о шеломы Хиновскіе; и поганые Бусорманы покрыша главы своя руками своими; тогда поганые борзо вся отступиша. И отъ Великаго Князя Дмитрея Ивановича стези ревутъ, а поганые бѣжатъ, а Рускіе Князи и бояры и воеводы и все великое войско широкіе поля кликомъ огородиша, и злачеными доспѣхами освѣтиша. Уже бо ста туръ на боронь; тогда Князь великій Дмитрей Ивановичь и братъ его Князь Владимеръ Андреевичь полки поганыхъ встять поворотили; и нача ихъ бусормановъ бити и сѣчи горазно безъ милости, и князи ихъ падоша съ коней загремѣли, а трупьми Татарскими поля насѣяша, и кровію ихъ рѣки протекли. Туто поганые разлучишася розно, и побѣгше неуготованными дорогами въ лукоморье, скрегчюще зубами своими, доруши лица своя; а ркуще такъ: уже намъ брате въ земли своей небрвать (sic) и дѣтей своихъ невидать, а въ Русь ратью намъ нехаживать, а выхода намъ у Рускихъ людей непрашивать; уже бо востона земля Татарская, бѣдами и тугою покрыша бо сердца ихъ, хотеніе Княземъ и похвала Руской земли ходити; уже бо веселіе наше пониче; уже бо Рускіе сынове разграбиша Татарскія узорочья, и доспѣхи и кони, и волы, и верблуды, и вино, и сахаръ, и дорогое узорочіе; уже жены Рускіе восплескаша Татарскимъ златомъ.

Уже бо по Руской землѣ простреся веселіе и буйство; вознесеся слава Руская по всей земли; а на поганыхъ Татаръ промчеся злыхъ Бусормановъ хула и пагуба; уже бо вержено диво на земли; и уже грозы Великаго Князя Дмитрея Ивановича и брата его Князя Владимера Андреевича по всѣмъ землямъ текутъ грозы. И Князь Великій своею храбростію и дружиною Мамая поганаго побилъ за землю Рускую и за вѣру крещеную; уже поганые оружія своя повергоша на землю, а главы своя подклониша подъ мечи Рускіе, и трубы ихъ нетрубятъ, и уныша гласи ихъ. И отскача поганый Мамай отъ своея дружины, сѣрымъ волкомъ взвылъ, и притече къ Хаѳестѣ граду. Молвяше же ему Ѳрязовѣ: чему ты поганый Мамай посягаешь на Рускую землю; то тя била орда Залѣская; а не бывати тебѣ въ Батыя царя, у Батыя царя было четыреста тысячь кованные рати, а воевалъ всю Рускую землю отъ востока и до запада; а казнилъ Богъ Рускую землю за своя согрѣшенія. И ты пришелъ на Рускую землю, царь Мамай, съ многими силами, з девятью ордами, и семидесятью князьями; а нынѣ ты поганый бѣжишь самъдевятъ въ лукоморье, не съ кѣмъ тебѣ зимы зимовати въ полѣ; не

што тебя Князи Руские горазно подчивали, ни князей съ тобою ни воеводъ; не что гораздо упилися у быстраго Дону на полѣ Куликовѣ, на травѣ ковылѣ. Побѣжи ты поганый Мамай отъ насъ, позаденешь и намъ отъ земли Руской.

Уподобился еси милому младенцу у матери своей, тако Господь Богъ помиловалъ Князей Рускихъ, Великаго Князя Дмитрея Ивановича и брата его Князя Владимера Андреевича межъ Дона и Нѣпра. И сталъ Великій Князь Дмитрей Ивановичь съ своимъ братомъ, съ Княземъ Владимеромъ Андреевичемъ и съ остальными своими воеводами на костѣхъ, на полѣ Куликовѣ на рѣчкѣ Нанрядѣ. Грозно бо и жалостно, брате, въ то время посмотрѣти, иже лежатъ трупи крестьянскіе у Дуная (Дона) великаго на брезѣ, и Донъ рѣка три дни кровію текла. И рече Князь Великій Дмитрей Ивановичь: считайтеся братія сколько у насъ воеводъ нѣтъ, и сколько молодыхъ людей нѣтъ. Тогды говоритъ стоя Михайло Александровичь, Московскій бояринъ, Князю Дмитрею Ивановичю: Государь Князь Великій Дмитрей Ивановичь! нѣту, Государь, у насъ сорока бояриновъ Московскихъ, двѣнадцати князей Бѣлозерскихъ, тридцати Новгородскихъ посадниковъ, двадцати бояриновъ Коломенскихъ, сорока бояръ Серпуховскихъ, тридцати пановъ Литовскихъ, двадцати бояръ Переславскихъ, двадцати пяти бояръ Костромскихъ, тридцати пяти бояръ Володимеровскихъ, осми бояръ Суздальскихъ, сорока бояръ Муромскихъ, семидесяти бояръ Рязанскихъ, тридцати четырехъ бояриновъ Ростовскихъ, двадцати трехъ бояръ Дмитровскихъ, шестидесяти бояръ Можайскихъ, тридцати бояръ Звѣнигородскихъ, пятнадцати бояръ Углецкихъ; а посѣчено отъ безбожнаго Мамая полтретья ста тысечь и три тысячи. Слава тебѣ Господи Боже нашь, помиловалъ насъ. И рече Князь Великій Дмитрей Ивановичь: братія бояра и Князи и дѣти боярскіе, то вамъ сужено мѣсто межъ Доном и Нѣпромъ на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Напрядѣ, и положили еста головы своя за святыя церкви, за землю Рускую, за вѣру крестьянскую; простите мя братія и благословите, всѣмъ вѣнецъ въ будущемъ. И пойдемъ брате, Князь Владимеръ Андреевичь во свою Залѣскую землю къ славному граду Москвѣ, и сядемъ брате на своемъ Княженіе, а чти есми, брате, добыли и славнаго имени, Богу нашему слава.

Сообщено Д. Ч. В. М. Ундольскимъ.